

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВА И ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Аннотация. В статье рассматривается ряд проблем, связанных с переходом к новому технологическому укладу, который получил в современной литературе название четвертой технологической революции. Отражаются изменения, которые уже имеют место в организации производства и обмена ценностями. Делается попытка прогноза развития современного российского общества в наиболее важных сферах: экономической, социальной, духовной. Показана роль цифровых технологий в модернизации системы социального регулирования. Отмечается своеобразная тенденция «технологизации» права, его трансформация в условиях развития современных технологий. Необходим пересмотр устоявшихся в последнее время подходов к юридическому образованию. Констатируется, что быстрые количественные и качественные изменения, характеризующие современную эпоху, требуют переориентации образования, которое должно быть нацелено на добывание и усвоение новых знаний, что может быть обеспечено на серьезной академической основе.

Ключевые слова: цифра, технологии, право, модернизация, правовая система, цифровизация права, цифровые права.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.149.4.023-030

В современном российском обществе наблюдаются очевидные процессы, связанные с ожидаемыми изменениями в самом скором времени. Сегодня понятно, что мир, точнее отдельные его географические части, переходит к новому этапу своего развития. В настоящее время те, кто квалифицирует современное общество в качестве постиндустриального, выглядят ретроgrадами, отсталыми от жизни. До

сего времени мы не можем определиться с тем миром, в котором живем. Это касается не только названия, хотя оно тоже очень важно. Пока сложно понять сам характер того социума, который сложился в результате реформ. Возникает желание использовать другой термин. Все-таки реформы должны приводить к социально ожидаемым полезным результатам. В российском социуме нарастает общее недовольство, фобии

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16114.

© Корнев А. В., 2019

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

vakornev@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

перед настоящим, а главное — перед возможными перспективами. А они не столь очевидны, как хотелось бы.

Отсюда в российской науке сложилось весьма любопытное явление. Суть его в том, что многие представители социальных наук вообще отказались от каких-либо характеристик современного российского общества. Открывая любой реферат диссертации, написанной на соискание ученой степени кандидата или доктора юридических наук, непременно читаешь следующее: «В современный период, когда в нашей стране проводятся глубокие преобразования (в других вариантах — реформы), особую актуальность приобретает проблема...», а далее повествуется о том, что представляется соискателю важным и актуальным. О чем бы автор ни написал свои 150—500 страниц, он убежден, что они будут полезны для этих самых «реформ». Что такое эти самые реформы и к чему они привели, практически ничего не говорится. Вот и вся «наука».

Но ведь у нее, то есть науки, много функций, и не надо прятать голову в песок. Социологи не страусы, а диагносты и предсказатели. Во всяком случае, так должно быть.

Есть веские основания утверждать, что современное общество развивается в условиях дефицита знаний о себе. И особенно это касается российского общества и государства.

У этого весьма печального явления есть свои причины. В последние годы в социологии научного знания (*sociology of scientific knowledge*) особенно популярным стал так называемый социальный конструктивизм, т.е. подход в социологии, занимающий агностическую позицию в отношении реальности социальных явлений и предпочитающий исследовать способы, какими они производятся внутри социальных отношений (Э. Гидденс, Ф. Саттон).

В этом смысле создается ситуация, которая хорошо укладывается в схему «Мир политики, это прежде всего слова» (Бурдьё). Иначе говоря, социальные процессы воспринимаются не так, как этого требует реальность, а так, как это следует из понятий о ней. К сожалению, в современном образовательном процессе такой подход стал практически доминирующим. Отсюда тенденция — максимальное сокращение часов по фундаментальным дисциплинам, формирующим навыки самостоятельного мышления. Другими словами, обучаемым дают такую картинку реальности, которую они воспринимают как истину в последней инстанции. Поэто-

му задача современного образования состоит в том, чтобы сформировать устойчивое отношение к социальным процессам, по возможности без всякого критического к ним отношения. Именно по этой причине с людьми, которые получили западное образование, очень трудно дискутировать. У них на все есть готовые ответы только потому, что их так научили. По-другому, они пользуются готовыми схемами. Правда, сегодня видны и некоторые изменения.

Конечно, в социальном конструктивизме много направлений. Он не является однородным по своей природе. Один из вариантов может быть весьма полезным для юридической науки и образования, поскольку ставит перед социологами четко определенную социальную задачу — обнаружить процессы социального конструирования и тем самым получить возможность лучше информировать участников общественных дискуссий по важнейшим вопросам.

Что же так сильно изменило нас, общество, в котором живем, и почему мы к этому оказались не готовы? Среди таких факторов можно назвать следующие: огромные гендерные изменения (в России катастрофическая смертность мужчин и, как следствие, огромный дисбаланс между мужским и женским населением); изменение классовой структуры общества (в России — уничтожение двух массовых классов, на которых всегда держалась страна: рабочих и крестьян, печальная очередь за интеллигенцией); неконтролируемые миграционные потоки (Россия — вторая страна в мире после США по количеству прибывающих мигрантов), которые фактически меняют социальный ландшафт и культурно-исторический код страны; массовый политический терроризм, погрузивший мир в обстановку постоянного страха; хорошо организуемый политический хаос в определенных географических регионах, которые привлекают к себе внимание углеводородными и другими природными ресурсами, которых, увы, все меньше на планете.

Нельзя обойти вниманием и урбанизацию. Сельское население в России составляет только 32 млн чел. Безработных среди них — 36 %, малоимущих — 39 %.

К этому можно добавить Интернет, цифровые коммуникации, кибертерроризм, регулярные мировые финансовые кризисы. И наконец, глобализация. Обыватель видит в ней преимущественно удобства, не особенно утруждая себя размышлениями. Надо сказать, что современный человек так устроен, что он хочет

скорее получать информацию в качестве своего рода товара. Но сегодня все более очевидно, что глобализация — иная, в современном варианте, но тем не менее форма господства.

В этой связи хотелось бы по-прежнему настаивать на том, что социальные науки должны оценивать реальность такой, какой она есть, а не заниматься мифотворчеством. Очевидно, прав Сергей Кара-Мурза, обосновывающий тезис первопричинности возникновения социальной науки не осознанной самооценностью человека, а социальными угрозами. В ранних обществах люди боялись природных катаклизмов: наводнений, землетрясений, засух, извержений вулканов. Эти страхи сегодня не только не исчезли, но значительно приросли. Однако в Новое время главные угрозы стали порождаться самим обществом — и создаваемой человеком техносферой, а также конфликтами интересов между социальными и национальными общностями, быстрыми сдвигами в массовом сознании или коллективном бессознательном².

В контексте названия статьи прежде всего хотелось бы обратиться к двум очень важным вопросам. К экономике и духовной сфере. Они очень взаимосвязаны друг с другом. И что особенно важно, образование имеет отношение как к одной сфере, так и к другой.

Человечество слишком долго находилось в плену западной модели развития как абсолютно безальтернативной. Сегодня это уже не работает, во всяком случае так, как некогда. Повсюду ощущается кризис: экономический, финансовый, социальный, политический, духовный. К рынку, демократии, правам человека и другим «священным коровам» западной модели развития отношение скорее ироническое. Во всяком случае, укрепляется понимание того, что они в качестве идеальных проектов отнюдь не безупречны. Касается это прежде всего экономической модели. Об этом всё больше пишут западные ученые. У нас почему-то это замалчивается. Оно и понятно. Мы отказались от своего пути развития, взяли иную модель и от этого очень сильно пострадали. Вступив в ВТО на их условиях (Китай тоже вступил, но на своих. — А. К.), находимся под санкциями. При этом мы свои обязательства выполняем, а наши партнеры — нет. На каком основании именовать такую систему отношений рынком? Никакого рынка никогда не было и никогда не будет. Все дикту-

ется исключительно протекционизмом сильных игроков, а их вассалы следуют в фарватере того, кто определяет вектор мирового развития.

Сейчас модно говорить об экономике знаний. Но это всё слова. Образование, судя по бюджету, не является приоритетным направлением для российской власти. Как и прежде, наша экономическая политика ориентирована на получение прибылей теми структурами, которые находятся ближе к власти и пользуются ее защитой. Все остальные выживают.

В этих условиях пока еще отдельные ученые как на Западе, так и в России, например академик РАН С. Глазьев, кстати, советник Президента Российской Федерации, убеждены, что мы стоим на пороге смены экономического уклада, который господствовал последние несколько десятилетий. Кроме «коллективного» Запада, который на поверку оказался не таким уж сплоченным, появились и другие экономические игроки, находящиеся в стадии пассионарного развития. У них есть самый главный ресурс — люди. Сколько вкладывает Китай в образование и науку и сколько Россия? Понятно, что цифры несопоставимы. Но дело даже не в этом. Важнее другое — приоритеты. По мнению академика Глазьева, Россия не сможет конкурировать с Западом, прежде всего с США, пока мы не нанесем неприемлемый для них ущерб в двух сферах, которые обеспечивают мировое господство: финансовой и информационной³.

Мир уже не может и не хочет играть по тем правилам, которые были установлены давно и сегодня не работают. Как он будет развиваться дальше, никто пока не знает. Можно предположить, что будет иметь место конкуренция различных проектов.

Теперь о духовной сфере. По мнению члена-корреспондента РАН А. Запесоцкого, прошедшие 50 лет можно характеризовать как воцарение так называемого неолиберального капитализма, приведшего Запад в очевидный тупик. Классический капитализм базировался на «свободном» рынке. В основе лежала конкуренция производителей, борьба за удовлетворение потребностей потребителей. Сегодня центр тяжести производства переместился из фабричных цехов в головы людей. Материальное производство вытеснилось на периферию экономики производством смыслов. И сами потребности стали производиться как продукты.

² Кара-Мурза С. Кризисное обществоведение. М., 2011. С. 27.

³ Цена побед // Литературная газета. 2018. № 23. 13—19 июня.

Современное «информационное общество» не стало сферой свободной жизнедеятельности людей, явив собой, по сути, лишь новую форму государственно-монополистической организации производства.

Относительно свободная интеллектуальная жизнь, которая имела место до «студенческой революции» 1968 г., со временем сменилась тотальной манипуляцией сознанием. Радикально меняются механизмы формирования и функционирования элит. Опять же до этого времени особую роль в жизни общества играли интеллектуалы — писатели, философы, ученые, профессора. Они относительно свободно генерировали идеи и доносили их до общества. Их мнение было значимым, а иногда и ключевым. Этот интеллектуальный класс был относительно независим от политических и экономических элит.

Со временем все духовное производство было монополизировано монополистическими структурами, как и само государство. Интеллектуалы превратились в служащих корпораций, производящих идеи по их заказу и в их интересах и все чаще — без связи с реальностью. Аналогичным образом приватизируются институты функционирования бюрократии. В конечном счете, как справедливо считает А. Запесоцкий, это привело к исчезновению ярких и самостоятельных лидеров типа Франклина Рузвельта, Шарля де Голля. Сегодня фактически вся европейская бюрократия — безликая масса чиновников⁴.

«Человек есть только замысел», любил говорить Э. Роттердамский. Огромная роль в формировании человека принадлежит образованию. Юридическое образование развивается в контексте тех изменений, которые происходят в образовательной сфере в целом.

Не секрет, что представители нашей элиты, как она сама себя называет, предпочитают обучать своих деток в западных университетах. При этом мы часто видим этих людей, практически одних и тех же, на всяких ток-шоу, которые обличают Запад и призывают нас к патриотизму. Тогда возникает вопрос: а может, образование не входит в приоритеты просто потому, что наша власть, начиная с губернаторов, а то и ниже, не заинтересована в этом, поскольку будущее кажется им параллельным существованием здесь и там? Дети будут пристроены в государственных корпорациях и совместных предприятиях

на фантастические зарплаты, не совместимые с реальной пользой для общества. Кстати сказать, отсутствие национально ориентированной элиты — проблема серьезнее финансовых неурядиц. Рано или поздно они заканчиваются. Когда два или три паспорта в кармане — это одно, а когда в голове, то это уже другое.

Один пример. Некто Артем Кирсанов, первый финалист-россиянин за всю историю Breakthrough Junior Challenge — ежегодного конкурса для молодых людей от 13 до 18 лет, основанного Марком Цукербергером и Сергеем Брином, мечтает поступить в Гарвард и изучать нейробиологию. Можно порадоваться за молодого человека. Но нельзя и не насторожиться. Он мечтает о том, чтобы через 100 лет человечеству не угрожали болезни и старение, а наш мозг был дополнен технологиями. Кроме того, он мечтает о признании природных ресурсов общим достоянием и о том, чтобы люди перестали делить эту планету под тряпками государств⁵. Кроме того, выступает за уничтожение денег, которые, по его мнению, являются главной причиной неравенства между людьми.

Позицию молодого человека можно объяснить юношеским максимализмом. Дерзновенные мечты свойственны этому возрасту. Человечество будет ему благодарно, если он действительно освободит его от болезней. Что касается денег, то не все так просто. Если они со временем и исчезнут, то появятся новые формы, делающие людей неравными. Равенство есть утопия, и поддерживать неравенство будут как раз те, кто находится на вершине социальной пирамиды, поскольку они сосредоточили в своих руках политические и материальные ресурсы.

По-настоящему пугает желание молодого человека избавиться от государств и сделать природные ресурсы достоянием всего человечества, а говоря яснее — Запада. Так об этом давно говорят глобалисты всех мастей. «Младореформаторы» 90-х сознательно превращали индустриально развитую страну в зону периферийного капитализма, назначение которой они видели лишь в том, чтобы обеспечивать энергоресурсами развитые экономики мира.

Вывод напрашивается такой: юноша, даже еще не учившийся на Западе, по сути, уже настроен против своей страны. Можно только догадываться, какие взгляды у него будут сформированы после учебы в американском

⁴ Неласковский май 1968 года // Литературная газета. 2018. № 19. 16—22 мая.

⁵ См.: Наука. Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ». 2018. № 63 (5).

университете. Хорошо известно, что система «промыывания мозгов» там давно сочетается с технологией получения знаний. Нам нужно перенимать опыт Китая, который не только стремительно осваивает новые технологии, но и воспитывает будущую элиту общества в своих учебных заведениях.

Конечно, экономика и политика детерминируют отношения в образовательной сфере. Принято ругать советское образование. Но есть ли для этого достаточные основания? Один из самых успешных предпринимателей XX в., Билл Гейтс, как-то публично заявил, что своими успехами в научно-технической сфере Израиль обязан эмигрантам из России. Коротко и убедительно.

У нас в стране было и хорошее гуманитарное образование. В условиях холодной войны наблюдалось идеологическое противостояние. В силу этого студентам вузов, включая юридические, давали много «избыточных» знаний. Это сказывалось на мировоззренческих ориентирах молодежи. В конечном счете сей факт обеспечивал определенное качество людей. И самое главное — образование было вполне доступным.

Образование можно определить как социальный институт, позволяющий овладеть необходимыми навыками, знаниями, расширить личные горизонты и реализовать себя во многих местах. Обучение же — формальный процесс, с помощью которого передаются определенные типы знаний и умений в соответствии с заранее разработанными учебными программами (Э. Гидденс, Ф. Саттон).

Современное образование, по сравнению с советским, к сожалению, скорее воспроизводит социальное неравенство, нежели уравнивает жизненные шансы. Высокие результаты ЕГЭ, как показывает жизнь, имеют выпускники определенных регионов. Стоит ли удивляться, что они легко по количеству баллов опережают других абитуриентов. Поступить на платное отделение юридического факультета престижного московского вуза проблематично в силу платежеспособности родителей. И здесь, в «начале лет», молодой человек или девушка сталкиваются с суровой прозой жизни. Но это, так сказать, бытовая сторона. Теперь о другом.

Мы не можем точно сказать, каким будет мир завтра. Наблюдается «политизация», «эко-

номизация», «цифровизация» права. Право порождено экономикой. Но сегодня и в будущем оно просто будет ее составляющей. В настоящее время впору говорить уже не об экономическом законодательстве, а о законодательной экономике. Это касается и определяющей роли политики по отношению к праву. Уже сегодня парламенты стран ЕС на 75—80 % в своей деятельности связаны теми проектами законов, которые они получают из евроструктур. Это о чем-то говорит.

В нашей стране уже предпринимаются попытки формирования законопроектов не на государственном, т.е. русском, языке, а на языке... программирования. Цифровые технологии непременно затронут и правовую сферу.

Можно прогнозировать, что право со временем будет принимать все более «технологичный» характер, как и сама цивилизация. Право, как мне представляется, станет частью того технологического уклада, который будет формироваться темпами, поражающими воображение. При этом не надо увлекаться второстепенными вопросами, как это уже не раз имело место в нашей истории. Никакой цифровой экономики нет и не будет. Цифра есть только средство, форма, способ, не более. Цифра не заменит ни колбасу, ни дом, ни одежду. Она всего лишь будет помогать создавать все это. Необходимо заглядывать в будущее, не теряя реализма. Точно так же убедительнее говорить о «цифровизации» права.

Тем не менее уже пишут диссертации о цифровом праве, цифровых правах, равенстве в цифровой сфере и пр. К примеру, предлагается признать формирование новой группы прав человека — цифровых прав, осуществление которых связано с использованием информации, представленной в цифровой форме. Вводится новое правовое определение цифровой идентичности, под которой понимается уникальная совокупность информации о личности, представленной в цифровой форме, с использованием которой индивиды вступают в правоотношения, осуществляют права и обязанности. При этом допускается отличие цифровой идентичности от реальной. Имеют место попытки обосновать такую категорию, как цифровое равенство, которое должно обеспечиваться на основе принципа сетевой нейтральности и доступности⁶.

⁶ Туликов А. В. Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 8—9.

Проблем здесь, разумеется, очень много, и мы пока не в состоянии в точности предсказать, как в самое ближайшее время будет развиваться общество и его наиболее важные сферы. Смена технологического уклада в корне может изменить социальную структуру общества. Многие профессии окажутся просто ненужными в своих массовых формах. Людей вполне могут заменить — и уже заменили — компьютеры и роботы. Например, в автомобильной промышленности на сборке участие человека уже минимально. В группе риска, стати сказать, и профессия юриста. В феврале 2017 г. Bloomberg сообщила, что в JPMorgan написали программу, способную всего за несколько секунд решить задачу, на которую адвокаты и кредитные специалисты тратили по 360 000 часов в год. Программа COIN работает на основе машинного обучения и выполняет невыполнимую для человека работу по анализу договоров кредитования предприятий. Она за считанные секунды исследует документ, ошибается реже человека и никогда не уходит в отпуск. COIN JPMorgan смогла снизить число ошибок при обработке таких договоров — ведь они, как правило, были вызваны человеческим фактором. Это позволило компании обрабатывать в год на 12 000 договоров больше⁷.

Во многих странах уже сегодня практикуется так называемое электронное правосудие. Высказывается предположение, что в скором времени исчезнет необходимость в нотариусах в связи с широким распространением электронного документооборота.

Смена технологического уклада, а проще говоря, четвертая промышленная революция, в начале которой мы находимся, по оценкам экспертов, до неузнаваемости может изменить мир: физический, социальный, технологический. Искусственный интеллект, роботизация, интернет вещей, блокчейн, геномная инженерия, нейротехнологии, беспилотные летательные аппараты (дроны), беспилотные автомобили, геоинженерия в конечном счете могут изменить наше представление о природе, об обществе, о человеке.

Нельзя не согласиться с Клаусом Швабом, основателем и исполнительным председателем Всемирного экономического форума, который говорит о том, что в последние 50 лет

мы стали более отчетливо понимать взаимную преобразующую связь между обществом и производимыми им технологиями. Первые две промышленные революции и две мировые войны показали, что технологии — это гораздо больше, чем просто набор машин, инструментов и систем, связанных с производством и потреблением. Технологии оказывают огромное влияние на формирование социальных точек зрения и наших ценностей. Они требуют нашего внимания именно потому, что с их помощью мы создаем экономику, общество и собственные взгляды на мир. Прошлые промышленные революции стали крупным источником прогресса и обогащения, хотя нам приходится бороться с их негативными последствиями, такими как ущерб окружающей среде и растущее неравенство⁸.

Масштабы социального неравенства могут принять в перспективе угрожающий характер. Автоматизация профессий неминуемо приведет к исчезновению многих из них. Человека вполне может уже сегодня заменить робот или автомат. В этой связи многие эксперты обеспокоены возрастающими социальными рисками. Что делать с огромными массами ничем не занятыми или частично занятыми людьми? Будут ли они находиться в состоянии социального спокойствия, живя на пособие в то время, когда возможности работающих удовлетворяют свои потребности будут выше в несколько раз? Никто пока не берется определенно ответить на этот и другие вопросы.

По мнению многих аналитиков, юридическая профессия находится в зоне риска в том смысле, что она во многом поддается автоматизации и в таком количестве, как сегодня, юристы будут не нужны. Но есть одно, но очень существенное обстоятельство. Ученые обеспокоены сохранением традиционных систем социального регулирования, базирующихся на определенных ценностях. В центре этой системы сегодня находится право, которое пришло на смену религии, заменившей, в свою очередь, миф. Так вот, право сопряжено с такими ценностями, как справедливость, равенство, гуманизм, солидарность, свобода. Их способен воспринимать и транслировать только человек, и никакая машина его в этом смысле никогда не заменит.

⁷ *Скиннер К.* Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М., 2019. С. 112—113.

⁸ *Шваб К.* Технологии четвертой промышленной революции. М., 2018. С. 271—273.

Убежден, что необходимо вернуть в юридическое образование правоведение и отказаться от юриспруденции. Она была бы к месту раньше, но не сейчас. Сегодня буквально на глазах рождаются всё новые отрасли права, которые требуют к себе внимания, в том числе и в учебном процессе, а серьезного отношения в любом случае не получится, учитывая

сроки обучения. В настоящее время нужно готовить правоведа⁹. В условиях, когда все меняется, необходимо изучать не только законы, но прежде всего право. Законы всегда временны, право будет существовать ровно столько, сколько отведено человечеству, какой бы технологичный характер оно ни формировало.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кара-Мурза С. Кризисное обществоведение. — М., 2011.
2. Корнев А. В. Теоретические основания практической юриспруденции // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 4.
3. Неласковый май 1968 года // Литературная газета. — 2018. — 16—22 мая. — № 19.
4. Скиннер К. Цифровой человек : Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. — М., 2019.
5. Туликов А. В. Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2017.
6. Цена побед // Литературная газета. — 2018. — 13—19 июня. — № 23.
7. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. — М., 2018.

Материал поступил в редакцию 11 февраля 2019 г.

DIGITAL TECHNOLOGIES, SOCIAL PROCESSES, MODERNIZATION OF LAW AND POSSIBLE FUTURE OF RUSSIAN LEGAL EDUCATION¹⁰

KORNEV Arkadiy Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
vakornev@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article deals with a number of problems associated with the transition to a new technological order has acquired the name of the 4th technological revolution in modern literature. The author focuses on changes that are take place in the organization of production and exchange of values. An attempt is made to forecast the development of the modern Russian society in the most important areas: economic, social, and spiritual. The author highlights the role of digital technologies in the modernization of the system of social regulation. There is a peculiar tendency of “technologization” of law, its transformation in the conditions of development of modern technologies. It is necessary to revise the recently established approaches to legal education. It is stated that rapid quantitative and qualitative changes that characterize the modern era, require a reorientation of education, which should be aimed at the extraction and assimilation of new knowledge that can be secured on the ground of a firm academic basis.*

Keywords: *digital, technology, law, modernization, legal system, digitalization of law, digital rights.*

⁹ Более подробно об этом см.: Корнев А. В. Теоретические основания практической юриспруденции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4.

¹⁰ The study was performed with RFFR financial support, research project No. 18-29-16114.

REFERENCES

1. *Kara-Murza S.* Krizisnoe obshchestvovedenie [The Crisis of Social Science]. Moscow, 2011. (Russia)
2. *Kornev A. V.* vestnik universiteta imeni o.e. kutafina (mgyua)Teoreticheskie osnovaniya prakticheskoy yurisprudentsii [Theoretical Foundation of Practical Law]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) [Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]. 2018. No. 4. (In Russian)
3. Nelaskovyy may 1968 goda [Unkind may in 1968]. Literaturnaya gazeta. 2018. May 16—22. No. 19. (In Russian)
4. *Skinner K.* Tsifrovoy chelovek : chetvertaya revolyutsiya v istorii chelovechestva, kotoraya zatronet kazhdogo [A digital man : The 4th revolution in human history that will affect everyone]. Moscow, 2019. (In Russian)
5. *Tulikov A. V.* Informatsionnaya bezopasnost i prava cheloveka v usloviyakh postindustrialnogo razvitiya (teoretiko-pravoy analiz) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Information security and human rights in the post-industrial development (theoretical and legal analysis) : Abstract of the PhD Thesis]. Moscow, 2017. (In Russian)
6. Tsena pobed [The price of Victories]. Literaturnaya gazeta. 2018. June 13—19. No. 23. (In Russian)
7. *Schwab K.* Tekhnologii chetvertoy promyshlennoy revolyutsii [Technologies of the 4th industrial revolution]. Moscow, 2018. (In Russian)